

ПРОВАЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

В.В. ВОЛЬЧИК

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории Ростовского государственного университета

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ортодоксия, или экономика «мэйнстрима», преуспела не только в объяснении и предсказании экономических явлений, но и в оттеснении на периферию научного знания или вовсе за пределы науки так называемых неортодоксальных теорий. В свою очередь, многие неортодоксальные теории, пытаясь выжить и сохранить свое место в науке, дрейфуют в сторону неоклассики, «обогащая» ее новыми идеями и расширяя ее предметную область. Налицо несовершенная конкуренция идей в экономической науке, где явное доминирующее положение занимает неоклассическая экономическая теория.

В данной статье предпринимается попытка на примере двух неортодоксальных течений — неозволюционной экономики и австрийской школы — показать возможности преодоления провалов экономической теории в ее мэйнстримовском варианте. Из этого совершенно не следует, что указанные неортодоксальные направления в экономической науке могут быть объединены в рамках одного исследовательского подхода. Просто они являются одними из ярчайших иллюстраций провалов неоклассической экономической теории, которая зачастую не может достигнуть оптимальных результатов по объяснению и предсказанию экономических явлений вследствие своего монопольного положения и, следовательно, присущих ему потерь от монополизации рынка идей и научного инструментария для исследований.

Примечательно, что господствующий в неоклассике позитивизм порождает явления, которые также являются эффектом от монополизации прав на «научность». Поэтому заметна особенность всех образчиков «позитивного» экономического анализа — это их единый формат. После вводной части типичной

работы в русле позитивной экономической теории следует раздел, названный «Модель» или как-нибудь в этом роде. Затем следует раздел, озаглавленный, например, «Эмпирические результаты». И все это подытоживают «Выводы». Напрашивается вопрос: почему фактически все позитивистские статьи так явно следуют единому формату? Не является ли единообразие *единственным* достижением экономического позитивизма [2, с. 118]?

Однородность экономической науки несет в себе столько же полезного для развития нашего знания о хозяйственных процессах, как монополия в какой-нибудь отрасли промышленности для ее развития. И хотя в отдельных случаях монополия вследствие эффекта масштаба может приводить к снижению издержек и внедрению дорогостоящих технологий, в долгосрочном периоде она неизбежно проявляет свою неэффективность¹. Экономика мейнстрима, также как монополия с положительной отдачей, может быть замкнута на менее эффективную технологию вследствие незначительных исторических событий и эффекта блокировки².

Если неоклассическая экономическая теория является лидером, то в роли рыночных аутсайдеров выступают различные «неортодоксальные» теории. Неортодоксальный экономист объявляет себя таковым, поскольку его методы исследования не совпадают с методами, принятыми в современной неоклассической экономической теории. Возникновение неортодоксального направления связано с институциональным отделением его от основного направления.

¹ В своей блестящей статье представитель австрийской школы Томас Дилоренцо [11] доказывает, что монополия даже в отраслях со значительной экономией от масштаба не является неизбежной.

² Названные феномены обычно рассматриваются в рамках концепции зависимости от предшествующего пути развития (path dependence).

Основополагающие предпосылки, составляющие теоретическую базу неортодоксального направления, принципиально отличаются от предпосылок других направлений, что сказывается на всем процессе теоретических построений. Для возникновения неортодоксального направления необходимо существование следующих элементов: господствующей ортодоксальной школы, против которой оно выступает; условий, в которых неортодоксальное направление может быть институционализировано; стимулов для самоидентификации этого направления [8].

В контексте настоящей статьи рассматривается случай «обогащения» неоклассики идеями двух неортодоксальных теорий: австрийской школы и неэволюционной экономики. Первая из указанных исследовательских традиций является ровесником, если не предшественником, неоклассической ортодоксии, а вторая возникла совсем недавно — каких-нибудь двадцать лет назад.

«Обогащение» экономики мейнстрима новыми идеями из конкурирующих исследовательских программ обычно происходит путем переформулировки изучаемых феноменов в языке и по шаблонам неоклассики. Примером может служить развитие неонституционального направления как части современной неоклассической ортодоксии³. И хотя такой процесс неизбежен, его нельзя считать оптимальным с точки зрения совершенной конкуренции между различными теоретическими направлениями в экономической науке.

³ Показателен сам факт деления таксономии течений современного институционализма, которая строится Т. Эггертссоном на основании принятия или непринятия институционалистами неоклассической модели рационального выбора [5, с. 20]. Хотя согласно приведенному критерию к школам, отвергающим модель рационального выбора, можно было бы отнести и старый, или оригинальный институционализм (OIE).

Важна ли конкуренция идей для экономической науки? Приводит ли отсутствие конкуренции между альтернативными исследовательскими подходами к кризису? Что считать кризисом экономической науки? Ответы на данные вопросы не могут быть простыми и однозначными, но их поиск сопряжен с выходом за рамки шаблонов, которые неизбежно создает господствующее в экономической науке теоретическое направление.

Говоря о кризисе в экономической науке, нельзя не затронуть проблему истории, вернее, ее значимости или незначимости для экономической теории. Примитивные споры о том, имеет ли история значение, видимо, уже безосновательны, но уместно задать вопрос: какое значение имеет история в экономической науке? Оригинальным подходом, акцентирующим внимание на важности учета исторических событий в экономическом анализе, является концепция зависимости от предшествующего пути развития (*path dependence*).

Проблема зависимости от предшествующего пути развития сравнительно недавно получила распространение в работах экономистов и экономических историков. Она разрабатывается в основном зарубежными экономистами и не имеет должного отражения в отечественной научной литературе. В настоящее время наиболее плодотворное развитие данной идеи наблюдается в рамках недавно появившегося течения в экономической науке — неозволюционизма⁴. Пионерные работы в этом направлении принадлежат Полу А. Дэвиду. В своей широко цитируемой статье [9] П. Дэвид, на примере раскладки английской клавиатуры на пишущей машинке и компьютере QWERTY, показал, что вследствие исторических и институциональных факторов возможен эволюци-

онный рыночный отбор неэффективных технологий, когда рынку доступны и другие, более выгодные альтернативы. В дальнейшем эту идею в более строгой математической форме развил Б. Артур [6, 7]. Им рассматриваются факторы неэргодичности в развитии экономических систем, возрастающей отдачи от институтов и технологий, влияние эффекта блокировки на отбор сравнительно неэффективных институтов и технологий. Артур доказал тезис о том, что история становится важной в степени, в которой технологическое развитие экономики зависит от незначительных событий, что делает невозможным предсказать рыночное распределение с любой степенью уверенности. Это убеждает в том, что могут быть теоретические пределы, также как и практические, для предсказуемости экономического будущего [7].

Согласно П. Дэвиду, зависимости от предшествующего пути развития можно дать позитивное и негативное определение. Зависимые от предшествующего пути развития процессы, таким образом, могут быть определены как отрицательные, принадлежащие к классу исключений из ранее существовавших процессов, в которых детали истории развития системы не имеют значения, потому что они не могут влиять на ее асимптотическое распределение среди состояний. Это позволяет дать *негативное* определение: процессы, которые являются неэргодичными и не обладают способностью освободиться от своего прошлого, приводят в результате к зависимости от предшествующего пути развития.

Можно сказать, что процесс зависимости от предшествующего пути развития для многих целей, скорее, имеет место быть, чем наоборот. Чтобы быть точными, необходимо прибегнуть к помощи теоретиков, сосредоточивая внимание на ограничительных моделях, выработанных в ходе случайных процессов (и характеризующих, таким образом, ди-

⁴ Ссылки о существовании данного направления можно найти у Н. Флигстина и Р. Филанда [12].

намическую систему). Следовательно, можно дать *позитивное* определение: зависимый от пути предшествующего развития стохастический процесс — это такой процесс, чье асимптотическое распределение эволюционирует как следствие (функция) развития самого исторического процесса [10, р. 4–5].

Подход, основанный на концепции зависимости от предшествующего пути развития, не только акцентирует внимание на том, что история имеет значение. Важным является признание невозможности *ex ante* предсказать, какие события могут привести экономику к эффекту блокировки (или замыкания) на неэффективных технологиях или институтах, так как эти процессы во многом зависят от «незначительных исторических событий». Артур определяет незначительные исторические события как события, которые обычно не берутся наблюдателем в расчет, т.е. не включаются в стандартный анализ как условия, обладающие способностью влиять на что-либо [7, р. 117].

Но концепция зависимости от предшествующего пути развития получила и несколько другую интерпретацию в русле использования терминологии и моделей экономики мэйнстрима. Наиболее показательны в этом отношении работы С. Лейбовица и С. Маргулиса [15, 16].

Лейбовиц и Маргулис построили классификацию феномена зависимости от предшествующего пути развития. Она состоит из трех степеней. К первой степени они относят ситуации, в которых качество выбора пути непознаваемо в то время, когда это решение принимается, но позже приходит понимание, что некоторые другие, альтернативные пути принесли бы большую выгоду. Вторая степень характеризуется ситуацией неполноты информации, в связи с чем выбранные эффективные решения могут не всегда представлять как эффективные в ретроспективе. В зависимости от предшествующего пути развития тре-

тью степени чувствительная зависимость от первоначальных условий приводит к результатам, которые неэффективны, но в данном случае результат также поправимы, т.е. существует или существовал некий подходящий механизм для нахождения и достижения более предпочтительного результата, но этот результат не достигнут. Третья степень означает, что при выборе технологии (или института) вследствие тех или иных причин выбирается заведомо менее эффективная альтернатива при наличии более эффективных⁵. Таким образом, зависимость первой степени является простым утверждением связи, но без заключения в себе заявления о неэффективности. Зависимость второй степени оговаривает в качестве особого условия, что межвременной эффект умножает ошибки. Зависимость третьей степени утверждает не только то, что межвременной эффект умножает ошибки, но и то, что этой ошибки можно избежать. Если такая зависимость от предшествующего пути развития все же встречается, это означает, что незначительное регулирование индивидуальной деятельности не является гарантией оптимизации или проверкой субоптимальных результатов. В свою очередь, это означает провал рынка [15].

Согласно подходу Лейбовица и Маргулиса, случай с раскладкой клавиатуры QWERTY, рассмотренный П. Дэвидом, — это пример зависимости первой степени, хотя, по мнению авторов, теоретический интерес представляет только зависимость третьей степени, которую, впрочем, они сводят к известным в неоклассике провалам рынка.

Но совсем парадоксальным и не соответствующим логике зависимости от предшествующего пути развития является вывод указанных авторов о том, что мы останавливаемся на неправиль-

⁵ Этот случай был ранее описан в статье Б. Артура для ситуаций с возрастающей отдачей [7].

ной, согласно Дэвиду, клавиатуре не потому, что некупаемые инвестиции в технологию QWERTY делают переключение на раскладку клавиатуры Дворака худшим выбором, а потому что «решения принимаются децентрализованно». Это приписывание ошибки децентрализованному принятию решения ясно предлагает такую альтернативу, как централизованный механизм принятия решения, который скорректировал бы ошибку [15].

Важность концепции зависимости от предшествующего пути развития состоит в акцентировании внимания на том, что не все случаи устойчиво существующих и доминирующих «неэффективных» технологий, институтов и распределений можно интерпретировать в смысле известных неоклассических моделей и терминов — провалов рынка и Парето-эффективности. История имеет значение именно потому, что неэргодичные динамические процессы могут быть адекватно объяснены с помощью инструментов, которые отсутствуют в неоклассике в ее современной антиисторической конвергентной форме.

Из неправильного понимания природы зависимости от предшествующего пути развития следуют неправильные рекомендации относительно экономической политики. Последняя, согласно П. Дэвиду, призвана оградить рынок от возможных в будущем проблем, прежде чем будет получено достаточно информации о технических, организационных или правовых последствиях принятого ранее решения. Наилучшая роль государственной политики в этом отношении, таким образом, принадлежит не принятию правильного решения, а, вместо этого, улучшению самих информационных условий, в которых эти решения могут приниматься частными сторонами и правительственными агентами [10, р. 15–16].

Теперь обратимся к другой неортодоксальной парадигме — австрийской школе. Досадна и несправедлива участь данного теоретического направления в

период после второй мировой войны, когда оно постепенно была вытеснено неоклассикой на обочину «серьезной» экономической науки.

Примечательно, что у некоторых представителей австрийской школы можно найти идеи, чрезвычайно близкие концепции зависимости от предшествующего развития. Например, с точки зрения Ф. Хайека, любая эволюция, будь то культурная или биологическая, все же представляет собой процесс непрерывного приспособления к случайным обстоятельствам и непредвиденным событиям, которые невозможно было предсказать. В этом состоит еще одна причина, почему эволюционная теория в принципе не может позволить нам рационально прогнозировать и контролировать будущие изменения. Самое большее, на что она способна — это показать, каким образом у сложно организованных структур вырабатываются способы корректировки, ведущие к новым эволюционным изменениям, которые, однако, по самой своей природе неизбежно остаются непредсказуемыми [4, с. 48].

То, чему австрийцы уделяют центральное место в своих теориях, конечно, присутствует в неоклассике — это методологический индивидуализм и роль предпринимательства в экономике. Например, в стандартном вводном курсе экономической теории в первой или второй лекции обязательно упоминается о методологическом индивидуализме и предпринимательстве как факторе производства, но в дальнейшем принцип методологического индивидуализма сводится к тому, что ценность экономических благ зависит от индивидуальных вкусов или «данных» функций полезности, а о предпринимательстве далее не говорится вообще ничего.

Важной отличительной особенностью австрийской школы является субъективная теория ценности. Эта теория имеет мало общего с теорией потребитель-

ского поведения в неоклассике. Согласно Л. Мизесу, определение ценности, имеющее своим результатом действие, означает предпочтение и отклонение; оно никогда не означает равенства и безразличия [3, с. 333]. Объяснение обменов и их пределов во многом предвосхитило теории трансакционных издержек неoinституционалистов. Также отличительной чертой австрийцев является последовательно отстаиваемый либерализм и методологический субъективизм.

Обычно неоклассическую доктрину, также как австрийскую школу [17], отождествляют с либеральной рыночной идеологией, по сравнению, например, с традиционным институционализмом, явно тяготеющим к социал-демократическим идеям. Но такой подход, видимо, не совсем верен. Если бы институционалистами называли всех тех, кто выступает за планирование и против рынка, то многие неоклассики оказались бы институционалистами [13, р. 317].

Согласно подходу австрийской школы, человеческое действие рассматривается в контексте методологического субъективизма и неопределенности, что во многом противоречит скрытому объективизму экономики мейнстрима. И хотя проблеме неопределенности в неоклассике уделяется все больше внимания с использованием изоцированных математических вероятностных и игровых моделей, сам подход к данному феномену радикально отличается от австрийского [3, ч. 1, гл. 6].

Наряду с методологическим субъективизмом, важной отличительной чертой австрийцев является использование каузального генетического метода. Данный метод предполагает абстракцию и гипотетическую реконструкцию. Это значит, что мы должны мысленно проследить, шаг за шагом, каким образом индивидуальные взаимодействия приводят к возникновению рассматриваемого феномена. Каузальный генетический метод контрастирует с «функциональным» ме-

тодом, использованным Л. Вальрасом при объяснении рыночного равновесия. К. Менгер и другие теоретики-австрийцы понимали это явление как процесс, благодаря которому распыленная информация постепенно интегрируется посредством координирующего воздействия цен, в то время как Вальрас пытался выразить существование равновесия в математических понятиях. Оба подхода используют одни и те же «точные» законы микроэкономики, но в различных целях [1, с. 85].

Лучший способ недобросовестной конкуренции в экономической науке состоит в создании барьеров входа на рынок идей. Конечно, проще всего все теории, не подходящие под неоклассические схемы или не поддающиеся переформулировке в известных терминах, отвергать как ненаучные или не заслуживающие внимания. Но вряд ли такая политика будет способствовать пониманию явлений реальной хозяйственной практики, которые плохо укладываются в рамки неоклассических моделей.

Австрийская школа — одна из немногих школ экономической мысли, постоянно придерживающаяся постулата об экономическом реализме [14], ее представители противопоставляли реалистический подход неоклассической чистой логике выбора. Представители неозволюционной экономики также обратили внимание на несоответствие теоретических взглядов на процедуры и результаты функционирования рынка и фактов реальной экономики, которые, в частности, получили отражение в экономической истории. Таким образом, идеи австрийской и неозволюционной школ могли бы не только удачно дополнить неоклассику [18], но и способствовать формированию конкурентной среды в экономической науке, что даст импульс формированию новых, более реалистических теорий и, несомненно, будет способствовать преодолению «провалов» ортодоксального мейнстрима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берри Н.П.* Австрийская экономическая школа: расхождения с ортодоксией // Панорама экономической мысли XX столетия / Под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, 2002.
2. *Боулэнд Л.А.* Современные взгляды на экономический позитивизм // Там же. С. 118.
3. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность. М.: Дело, 2000.
4. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
5. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. С. 20.
6. *Arthur W.B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
7. *Arthur W.B.* Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Mar. 1989. Vol. 99. № 394. P. 116–131.
8. *Backhouse R.* Progress in heterodox economics // Journal of history of economic thought. 2000. Vol. 22. № 2. P. 145–155.
9. *David P.A.* Clio and the Economics of QWERTY // The American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332–337.
10. *David P.A.* Path Dependence, its critics, and the quest for 'historical economics. Stanford, CA: Economics Department. Working Paper № 00-011. 2000.
11. *DiLorenzo T.* The Myth of Natural Monopoly // The Review of Austrian Economics 1996. Vol. 9. № 2. P. 43–58.
12. *Fligstein N., Feeland R.* Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // Annual Review of Sociology. 1995. Vol. 21. P. 21–43.
13. *Hodgson G.M.* What is the essence of institutional economics? // Journal of Economic Issues. Jun 2000. Vol. 34. № 2. P. 317.
14. *Hulsmann J.G.* Economic Science and Neoclassicism // The Quarterly Journal of Austrian Economics. Winter 1999. Vol. 2. № 4. P. 3–20.
15. *Liebowitz S.J., Margolis S.E.* Path Dependence, Lock-In, and History // Journal of Law, Economics and Organization. April 1995. Vol. 11. № 1. P. 205–226.
16. *Liebowitz S., Margolis S.E.* Policy and path dependence: from QWERTY to Windows 95 // Regulation: The Cato Review of Business & Government. 1995. № 3. P. 33–41.
17. *Palermo G.* The convergence of Austrian economics and new institutional economics: Methodological inconsistency and political motivations // Journal of Economic Issues. Jun 1999. Vol. 33. № 2.
18. *Yeager L.B.* Austrian Economics, Neoclassicism, and the Market Test // The Journal of Economic Perspectives. Autumn 1997. Vol. 11. № 4. P. 153–165.